

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

М. А. БОРОДИНА. Н. Н. МИЛЬМАН

О РЕКОНСТРУКЦИИ ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТЫ (На материале исторической фонетики французского языка)

Лингвогеографическая карта, составляемая обычно на основании анкетных данных полевой диалектологии, является одним из очень важных документов для истории языка. Ведь известно, что современные диалекты хранят подчас явления такой большой давности, что даже старые тексты не дают столь адекватного представления об особенностях прошлых периодов истории языка. В старых текстах, обычно в некоторой степени нормализованных и как бы «поднятых» до известного уровня литературного образца, не отражен разговорный язык в такой мере, в какой он отражен в диалектных записях. Старые тексты дают представление о системе языка, современные диалектные записи — о системе речи. Антитеза «уровень языка — уровень речи» характеризовала язык и прошлых времен, скажем, старофранцузский период, не в меньшей мере, чем современный язык. Для старых периодов эта антитеза с большим трудом поддается исследованию, чем в современном языке, потому что у нас нет возможности непосредственно наблюдать функционирование системы языка у отдельных коллективов или отдельных носителей языка. Одним из косвенных источников, дающих возможность проникнуть в уровень речи ранних периодов, является современная диалектология. Для представления о живой, реальной речи используются еще и такие источники, как свидетельства грамматиков тех времен, заимствованные в другой язык слова (они хранят первоначальный облик слова), сопоставления вариантов текстов, — но все эти источники приносят лишь весьма отрывочные и относительные по достоверности сведения. Наряду с диалектными данными, важным источником для изучения устной речи прошлых времен является исследование написаний, т. е. установление графической системы старого языка. Это оказывается существенным, потому что графика, как это следует из теоретических положений по интерпретации древних написаний, изложенных Л. Р. Зиндером и Т. В. Строевой в книге «Историческая фонетика немецкого языка»¹, отражает в большинстве случаев реальные производительные особенности и менее всего должна быть рассмотрена как случайные или индивидуальные написания. Тщательный анализ старой письменности с использованием различных методов ее расшифровки и с привлечением ряда косвенных данных дает возможность реконструировать древние фонологические системы, а сопоставление данных разных диалектных памятников может дать ключ и к фонемному составу слов².

Однако эти источники, равно как и диалектные, до сих пор всерьез и последовательно не были использованы для реконструкции речи.

¹ Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева, Историческая фонетика немецкого языка, М. — Л., 1965.

² Там же, стр. 23—39.

Первые — в силу недоступности и трудности объединения огромного количества мелких фактов, вторые — в силу отсутствия, до появления работ Л. Р. Зиндера³, теоретической базы.

И действительно, диалектология до тех пор, пока она оставалась в рамках эмпирической полевой диалектологии, дававшей в основном сведения об отдельных пунктах, отдельных носителях языка, т. е. изучала скорее идиолект⁴, чем систему диалекта в соотношении с системой литературного языка, не могла с достаточной мерой эффективности быть применена для реконструкций.

Новое направление в развитии диалектологии — лингвогеографическое, которое получает все большее распространение, дает возможность более систематично, более детализованно и в то же время более обобщенно представить огромный диалектный материал — перевести его из уровня идиолекта в уровень системы диалектов, который очень обогащает наши представления о самых различных языковых явлениях.

Лингвогеография неразрывно связана с картой, с системой карт (атласом). Создание карты для современного периода не представляет сложной проблемы — о технике и методологии такой работы написана огромная литература. И хотя и здесь остается много дискуссионного, факты говорят о том, что методика составления атласов уже освоена: всего составлено около 200 диалектных атласов разных языков. Дальнейшие задачи диалектологов состоят в усовершенствовании анкеты и техники составления атласов, а также в выборе направленности проблематики атласов.

В атласе современных говоров, который является синхронным срезом современного состояния языка, отражаются срезы диахронии. Тем не менее этот источник отнюдь не дает исчерпывающих сведений для реконструкции истории того или иного явления.

Более широкое применение лингвогеографической методики исследования открывает новые перспективы для восстановления утраченных языковых явлений. Лингвогеографическая методика принципиально отлична от диалектной. Если источником диалектологии является полевое обследование, то источниками лингвогеографии служат: а) атласы, составленные на материалах полевых работ; б) тексты в определенном территориальном и хронологическом расположении; в) словари типа национального словаря В. фон Вартбурга⁵ или регионального словаря Л. Зеликсона⁶, в которых дается территориальное расположение слов⁷;

³ Общая теория графики дана Л. Р. Зиндером в книге «Общая фонетика», Л., 1960, стр. 306—316.

⁴ См.: R. A. Hall, *Idioletto, dialetto, lingua*, «Studi linguistici in onore di Vitore Pisanì», Brescia, [1969].

⁵ W. von Wartburg, *Französisches etymologisches Wörterbuch*, Tübingen (с 1948 г.).

⁶ L. Zéligzon, *Dictionnaire des patois romans de la Moselle*, Strasbourg — Paris, première partie: A — E, 1922; deuxième partie: F — M, 1923, troisième partie: N — Z, 1924 («Publications de la Faculté des lettres de l'Université de Strasbourg», fasc. 10—12).

⁷ Так, например, в словаре Зеликсона представлена крайняя восточная часть лотарингского диалекта, находящаяся в той части деп. Мозель, которая не была включена в Лингвистический атлас Франции (ЛАФ) Жильерона и Эдмона, хотя она и представляет особый интерес, так как здесь проходит граница между французским и немецким языками. Однако словарь Зеликсона составлен таким образом, что он полностью восполняет этот пробел. Зона, обследованная Л. Зеликоном, подразделена на семь областей: F — Fontoy (Фонтуа), P — Pays-Haut (Пэи-О), Y — Ysle (Иль), M — Messin (Мецский), V — Vosgien (Вогезский), S — Saunois (Сонюа), N — Nied (Нид) с рядом промежуточных. Лексические и фонетические варианты слов даются согласно этому делению (в квадратных скобках непосредственно за словом). В начале словаря приводится карта территории с указанием подразделений (сетка опросных пунктов), на которую и могут быть нанесены изученные в словарной статье сведения. Зеликзон для написания этой работы использовал как материалы личных наблюдений, так и уже

г) диалектные монографии, в которых материалы расположены по пунктам, где происходило анкетирование, что дает возможность восстановления карты⁸.

Из перечисленных источников исторические тексты, если они представлены в достаточной мере, служат основным источником для реконструкции карт старого периода.

Реконструкции карт, связанные с текстами, производились уже неоднократно. Так, например, Л. Теньер в своем атласе двойственного числа в словенском языке реконструирует старые ареалы, начиная с XIV в.⁹; Г. Ф. Благова в ходе сопоставительного исследования (в области грамматических явлений) данных староузбекского письменного языка и современных диалектов подвергает картографированию некоторые языковые факты, нашедшие отражение в памятнике староузбекской литературы (XV в.) и в то же время сохранившиеся в современных диалектах при полной или почти полной утрате этих фактов современным узбекским литературным языком. Это картографирование позволило выявить характер, а также интенсивность распределения соотносимых языковых явлений и способствовало разрешению поставленной задачи — выяснить диалектную основу языка староузбекской литературы¹⁰. М. А. Бородина по данным старофранцузской письменности и современным диалектным материалам, подчерпнутым ею в атласах, установила, что *mie* в XII—XIII вв. отнюдь не было общефранцузской формой прилагательного отрицания, как это принято думать. *Mie* как в прошлом, так и в наши дни локализуется прежде всего в диалектах восточной Франции, зона его распространения лишь незначительно уменьшилась по сравнению со старофранцузским. Если бы *mie* было более или менее равномерно распространено по всей территории, то в наши дни оно сохранилось бы в ряде окраинных говоров¹¹.

К использованию и картографированию диалектных признаков в текстах в истории германских языков неоднократно прибегали и представители немецкой диалектологической школы, в частности А. Бах и Т. Фрингс.

Французский язык, как известно, обладает богатым собранием исторических текстов, написанных в разные периоды в разных областях. Карта, приложенная к упоминавшемуся словарю Вартбурга, дает некоторое представление о сетке этих текстов. Литературные тексты представляют меньший интерес для реконструкции устной речи, чем документы канцелярского письма по следующим соображениям: они, т. е. литературные тексты, локализованы менее строго во времени и в пространстве, а язык их, который авторы с древнейших периодов пытались сублимировать до обще-

имеющиеся опубликованные сведения о языке этой территории — словари, тексты, исследования (см. в «Предисловии» к Словарю, стр. V—XVII).

Для иллюстрации приведем пример словарной статьи из охарактеризованного словаря: «Cheviate [ševyat M, N, S, ševyot Y, P, ševiyot F] s. f. — Goupille; cheviette qui sert à pendre le linge».

В некоторых диалектных словарях территориальная характеристика слова занимает настолько значительное место, что в текст словаря включаются и лингвогеографические карты.

⁸ I. B a b i n, Les parlers de l'Argonne, Paris, 1954; Ch. B r u n e a u, Enquête linguistique sur les patois d'Ardenne, I—II, Paris, 1923—1926.

⁹ L. T e s n i è r e, Atlas linguistique pour servir à l'étude du duel en slovène, Paris, 1925.

¹⁰ Г. Ф. Б л а г о в а, Значение данных современной узбекской диалектологии для изучения староузбекского письменного языка, ВЯ, 1965, 1.

¹¹ См.: М. А. Б о р о д и н а, Прилагательное отрицание в лотарингском диалекте французского языка (к реконструкции лингвогеографической карты), сб. «Вопросы романского языкознания», Кишинев, 1963.

французского письменного литературного¹², представляет, с точки зрения лингвогеографии, меньший интерес.

Положение о том, что графика отражает фонемный состав древнего языка (а в некоторых случаях дает ключ к расшифровке фонемного состава слов), в соединении с сеткой хартий, которую удастся нанести на контуры Франции, и дает нам возможность представить несколько реальной соотношение слова в определенной местности.

Сетка состоит из 81 пункта. Хартии, составленные в них, обследовались по следующим основным источникам:

I. Общие сборники грамот:

1) L. Carolus-Barré, *Les plus anciennes chartes en langue française*, 2, Paris, 1964.

2) E. Schwan et D. Behrens, *Matériaux pour servir d'introduction à l'étude des dialectes de l'ancien français*, в кн: «Grammaire de l'ancien français, traduction française par O. Bloch», troisième partie, Leipzig, 1921.

3) В. Ф. Шишмарев, Книга для чтения по истории французского языка, М.—Л., 1955, стр. 217—226.

II. Западнофранцузские грамоты:

1) *Cartulaire de l'abbaye royale de Notre-Dame des Châtelliers, Niort*, 1872.

2) *Cartulaire de l'Abbaye de Notre-Dame de la Mersi-Dieu autrement dite de Bécheron au diocèse de Poitiers*, «Archives historiques du Poitou», XXXIV, Poitiers, 1905.

3) *Cartulaire de l'Aumônerie de Saint-Michel de Thouars*, «Archives historiques du Poitou», XXXI, Poitiers, 1901.

4) *Cartulaire des Sires de Rays*, «Archives historiques du Poitou», XXVIII, Poitiers, 1898.

5) *Chartes et documents poitevins du XIII-e siècle en langue vulgaire*, 1 — 1960, 2 — 1963.

6) *Chartes de Fontevraud concernant l'Aunis et la Rochelle*, «Bibl. de l'école des Chartes», 1858, стр. 132—170.

7) *Le Comté de la Marche et le Parlement de Poitiers*, «Bibl. de l'école des hautes études», 1910.

8) *Choix de pièces inédites tirées des archives du château de Serrant*, «Bibl. de l'école des Chartes», IV, 1868.

9) *Recueil de documents et mémoires inédits*, «Archives d'Anjou», 3, Angers, 1843—1854.

10) *Récueil des chartes en langue française de XIII-e siècle conservées aux Archives départementales de l'Indre pour servir à l'étude du langage usité en Berry au moyen âge*, Paris, 1885.

III. Северо-восточные грамоты:

1) Ch. Bonnier, *Étude critique des chartes de Douai de 1203—1275*, ZfRPh, XIV, 1890, стр. 66—68.

2) *Récueil des actes des comtes de Pontieu (1026—1271)*, Paris, 1930.

3) A. d'Herbomez, *Les chartes de l'Abbaye Saint-Martin de Tournai*, 2, Bruxelles, 1898—1901.

¹² Н. А. Катагощина, О соотношении литературного языка и диалектов в старофранцузский период (до XIII в.). Автореф. докт. диссерт., М., 1955. Одним из тезисов диссертации является доказательство того, что старофранцузские памятники XII в. свидетельствуют о начале формирования общепольского письменного литературного языка, положение, высказывавшееся и ранее в работах Г. Морфа, Г. Зюшье, Г. Ваккер, К. Фосслера, но не получившее достаточно обоснований, поскольку оно не разрабатывалось с точки зрения соотношения литературного языка и диалекта (см. стр. 6). Напомним, что значительное количество исследователей (Г. Парис, В. Мейер-Любке, К. Фореч и др.) полагают, что истоки литературного языка восходят к более позднему времени.

4) C. T. Gossen, *Petite antologie picarde*, в кн: «*Petite grammaire de l'ancien picard*», Paris, 1951.

5) M. Gysseling, *Les plus anciens textes français non littéraires en Belgique et dans le Nord de la France*, «*Scriptorium*», III, 1949, стр. 190—210.

6) *Chartes françaises de Vermandois de 1218 à 1250*, «*Bibl. de l'école des Chartes*», XXXV, 1874, стр. 437—478.

7) G. Raynaud, *Étude sur le dialecte picard dans le Pontieu d'après les chartes des XIII-e et XVI-e siècles*, «*Bibl. de l'école des Chartes*», XXXVI, 1875, стр. 193—243.

8) N. de Wailly, *Récueil de chartes en langue vulgaire provenant des archives de la collégiale de Saint-Pierre d'Aire*, «*Bibl. de l'école des Chartes*», XXXI, 1870, стр. 261—302.

IV. Восточнофранцузские грамоты:

1) Ch. Bruneau, *Étude phonétique des patois d'Ardenne*, Paris, 1912.

2) F. Bonnardot, *Chartes françaises de Lorraine et de Metz*, «*Bibl. de l'école des Chartes*», XXXV, 1874.

3) Document en patois lorrain relatif à la guerre entre le comte de Bar et le duc de Lorraine, «*Romania*», 1 — 1872, 2 — 1873.

4) E. Philippon, *Les parlers du duché de Bourgogne aux XIII-e et XIV-e siècles*, «*Romania*», XXIX — 1910, стр. 476—531; XLI — 1912, стр. 541—600.

5) E. Philippon, *Les parlers de la Comté de Bourgogne aux XIII-e et XIV-e siècles*, «*Romania*», XLIII, 1914, стр. 495—559.

6) *Vie en prose de Girart de Rossillon*, «*Romania*», VII, 1878, стр. 178—225.

7) N. de Wailly, *Recueil de chartes originales de Joinville en langue vulgaire*, «*Bibl. de l'école des Chartes*», XXVIII, 1867, стр. 557—608.

Наложение материала хартий на сетку дает представление об ареалах тех или иных написаний, и поскольку «графика соотносена с фонемным составом языка»¹³, мы можем говорить об отражении этими написаниями тех или иных фонетических явлений.

Ниже мы рассмотрим следующие фонетические процессы: а) монофтонгизация дифтонга $ai > e$; б) распространение факультативного дифтонгоидного произношения ei для рефлекса латинского ударенного a ; в) редукция дифтонга $ie > e$ или $ie > i$.

Монофтонгизация дифтонга $ai > e$. Анализ письма хартий обнаруживает большое количество дублетных форм слов типа: *laisser — lesser*, *raison — reson*, *faisons — fesons*, *sairement — serement*; *vairunt — verroht*. Это говорит о том, что писцы древних текстов употребляли написания ai и e в словах с одним и тем же значением. Следовательно, речь не может идти о фонемном противопоставлении звуков, переданных посредством ai и e , так как встречаясь в одинаковых фонетических положениях, они не дифференцировали значения. Указанные разнописания имеют следующее основание: оба графических средства (и буквосочетание ai , и буква e) в данный период (XIII в.) передавали на письме один и тот же звук и являлись поэтому синонимичными графемами. Это подтверждается и многочисленными рифмами типа: *mais : apres*, *mesfet : fait*, *maistre : estre*.

Совпадение некогда разных звуков произошло в результате монофтонгизации дифтонга ai . Рассматриваемая графическая синонимия и объясняется сохранением в старофранцузской графике написания ai , употреблявшегося прежде для дифтонга.

¹³ Л. Р. Зиндер, Т. В. Стросва, указ. соч., стр. 30—36.

Письмо документов, составленных в различных областях Франции, дает неодинаковые результаты замены написания *ai* на *e*. Данные анализа письменных памятников показывают, что это явление было присуще в большей степени центрально-западной традиции письма: чаще всего дублетные формы встречаются в письменных документах из Анжу, Мэн, Нормандии, Орлеана, Иль-де-Франса, Пуату. Напротив, эта замена почти отсутствует в хартиях, составленных в северо-восточной и восточной области Франции. В письме грамот из Бургундии, Франш-Конте нет случаев замены *ai* на *e*. В письме лотарингских грамот — один случай обратной замены: *vairunt* вместо *verront*. В письме грамот Валлонии — два примера: *serment* < *sacramentum* и *saignor* < *seniōrem*. Письмо собственно пикардских хартий дает на 135 проанализированных документов всего два случая употребления дублетных пар: *serement* — 2 раза и *sairement* — 8 раз. Напротив, в пограничных с нормандским и франсийским диалектами областях монофтонгизация *ai* > *e* происходила под влиянием последних, о чем свидетельствует более частая замена *ai* на *e*, особенно это обнаруживается в рифмах произведений, составленных в Бовэ. В письме шампанских грамот *e* реже, чем *ai*, но случаи взаимозамены обоих написаний чаще, чем в грамотах из других восточных областей, причем они прослеживаются в основном в хартиях из пограничной с Парижем области (Дуар). Во франсийских документах наблюдается только *e* в тех словах, в которых на востоке и северо-востоке употребляется *ai*.

Явление неодинакового использования писцами обеих графем говорит о неоднородности процесса монофтонгизации *ai* > *e* на территории Франции: в то время, как в западных и в центральном диалектах выделение монофтонга уже завершилось, в северо-восточных и восточных, напротив, наблюдается еще дифтонгоидное произношение, и процесс монофтонгизации здесь произошел позже, чем в других диалектах.

Данные хартий подтверждаются также рифмами пикардских поэтов: *traiſon* : *maison*, *naistre* : *repaistre*, *paistre* : *aistre* : *maistre* (Langfors, Li Regres Nostre Dame, р. LIII) и свидетельствами первых грамматиков о том, что дифтонг произносился в пикардском диалекте еще в XVI в.¹⁴

Распространение факультативного дифтонгоидного произношения для рефлекса латинского ударенного *ā*. Анализ документов из различных областей Франции дает примеры неодинакового отражения в письме результата развития латинского ударенного *ā*. В одних хартиях этот рефлекс представлен преимущественно в виде написания *e*, в других — как *ei*, а в большем количестве документов встречаются оба написания: *verite* — *veritey*, *gre* — *grei*, *tel* — *teil*, *garder* — *gardeir*, *apercevee* — *aperceveie*.

Факты употребления *ei* лишь наряду с *e* только в дублетных парах, т. е. в одних и тех же фонетических условиях, отвергают предположение о фонемном противопоставлении звуков, обозначенных посредством *ei* и *e*. Неосновательной будет и мысль о том, что *ei* и *e* отражают позиционные варианты одной и той же фонемы: хотя *ei* и употребляется преимущественно в ударном конечном положении, однако *e* также часто появляется и здесь. Следовательно, их употребление не связано с комбинаторными условиями. При определении фонетического значения написания *ei* более вероятным представляется предположение, что *ei* отражало реальное, дифтонгоидное произношение, выступавшее по отношению к фонеме /e/ факультативным вариантом.

¹⁴ См.: С. Т. Gossen, Petite grammaire de l'ancien picard, Paris, 1951, стр. 39—40.

Результаты исследования письменных документов показывают, что параллельное употребление форм с *ei* — *e* особенно часто наблюдается на севере Франции (в Нормандии) и на востоке (в Валлонии, Лотарингии, Бургундии). Например, в пикардском формы с *ei* как раз и засвидетельствованы в документах из областей, пограничных с этими центрами: из Сент-Омера, Авена, Сен-Кантена, Поньте, Монса, Дуэ, Лилля, Турнэ. Реже дублетные формы встречаются в хартиях из Камбрэ, Бовэ, Лаона, Суассона, Булоннэ, Эр.

В ходе дальнейшего исторического развития форма с *e*, более употребительная в диалектах запада и центра, вытесняет параллельную дифтонгоидную, остатки которой сохраняют еще современные говоры: *etey*, *veritey*, *filey* ¹⁵.

Р е д у к ц и я д и ф т о н г а *ie* > *e* или *ie* > *i*. Редукцию дифтонга *ie* к *e* или *i* можно проследить в письме старофранцузских грамот по колебаниям в написании слов, с одной стороны, *ie* — *e*, с другой — *ie* — *i*.

Колебания *ie* — *e* отмечены в письме грамот из западных и северо-западных областей. Здесь еще в ранних текстах засвидетельствованы формы с *e*: XI в. — *Esclancher* (1080), *parcheminier*, *draper* (1060); первая половина XII в., ассонанс: *estragerent* : *giterent* : *lapiderent* ¹⁶. Ранние примеры с *e* дает также Е. Шахт ¹⁷ в именах собственных: *Forester* (1059), *Li Peleter* (1059), *Braconer* (1088).

Анализ грамот дает следующие результаты. В документах из юго-западных и западных областей (Онис, Сентонж, Пуату) написание *ie* уступает по частоте встречаемости *e*: *derere*, *darrere*, *arrere* < *retro*; *Pere*, *Pompere* < *Petru*; *perre* < *petra*; *Estene* < *Stephanu*; *seet* < *sedet*; *terce* < *tertiu*; *peces* < *pettia*; *ben* < *bene*; *fe*, *feu* < *feodu*; *tent*, *se tenent*, *tenc* < *tenire*. Для передачи на письме результатов развития *a* после палатального *e* суффикса *-āriu* в этих областях употребляется преимущественно *e*. Написание *ie* здесь, таким образом, — в значительном меньшинстве: так, в хартиях 1260, 1262, 1263 гг. можно наблюдать следующую частоту встречаемости слов: *chevaler* — 4 раза; *dener* — 7 раз; *menere* — 5 раз; *chevalier* — 1 раз; *denier* — 2 раза; *meniere* — 1 раз.

Современные говоры этих областей, как правило, сохраняют *e* в произношении: *ie* здесь — влияние литературной нормы (см. карту ЛАФ 1012 *Pied*; произношение *pe* наблюдается в Вандее, пп. 448, 521, 531; в Дё-Севр., пп. 510, 512, 513; в Вьенне, пп. 505, 508, 514).

В документах из Анжу, Мэн, Турени и Бретании колебания *ie* — *e* значительно больше, чем в юго-западных областях, иногда с преобладанием *ie*, как, например, в Турэни и в Бретани.

В письме грамот из Нормандии написания слов с *e* являются исключениями, что, по-видимому, объясняется его близостью центральной традиции письма, где *ie* обнаруживает преимущественное употребление. В противоположность юго-западным и западным говорам и современное диалектное произношение в деп. Манш и прилегающих островах — *ie* : *adres^ueⁱ* (= *adresser*) ¹⁸.

Грамоты из Пикардии и пограничных с ней областей дают для результата развития латинского ударенного *ē*, как правило, — *ie*. Колебания *ie* — *e*, также отмечаемые в этом письме, отражают, однако, другую особен-

¹⁵ L. B r e b i o n, Étude philologique sur le nord de la France, Paris — Londres, 1907, § 223.

¹⁶ P. F o u c h é, Phonétique historique du français I, Les voyelles, Paris, 1958, стр. 267.

¹⁷ E. S c h a c h t, Die vulgärsprachlichen Elemente in den mittellateinischen Urkunden des Poitou, Wien, 1965.

¹⁸ A. S j ö g r e n, Les parlers bas-normands de l'île de Guernesey, Paris, 1964.

ность, объединяющую пикардский и валлонский диалекты: написание *ie* в этом случае отражает дифтонгоидное произношение результата латинского *e* в закрытом слоге. Эта особенность имеет место в пикардском под влиянием соседнего валлонского диалекта, которому эта черта присуща ¹⁹.

Другой вид колебаний в написании слов: *ie* — *i* отмечается в письме северо-восточных и восточных областей, а именно, в валлонском и лотарингском. Первые формы с *i* засвидетельствованы в официальных документах Валлонии уже в XII в. в именах собственных и топонимах ²⁰: *Rosiris* (1152) (= *Petit-Rosiere*), *Nicholaus de Perirs* (*petra*), *Watirs Bertaus* (1233). Также и в лотарингском формы с *i* начинают наблюдаться с XII в. ²¹: *volentirs*, *brif*, *prumirs*, *pechir*. В валлонских и лотарингских грамотах XIII в. написание *i* появляется чаще, чем *ie*: *Pirres*, *chir*, *Aminos*, *manire*, *chealir*, *fif*, *Olivir*, *denirs*, *entirement*. В остальных восточных областях формы с *i* отмечаются, но значительно реже; появление их здесь объясняется, по всей вероятности, влиянием валлонской и лотарингской традиции. Отражение рефлекса латинского *ē* в этих диалектах совпадает с центральной традицией, т. е. — преимущественное употребление написания *ie*.

Анализ употребления в грамотах написаний *ie*, *e*, *i* позволяет установить области их распространения; всю территорию Северной Франции можно, таким образом, разделить на три зоны: а) юго-запад и часть западных областей, б) северо-восток и часть восточных областей, в) центр и пограничные с указанными двумя зонами районы. Параллельные формы с *ie* — *e*, с одной стороны, и *ie* — *i* — с другой, говорят о том, что в старофранцузском языке существовало три произношения одного и того же рефлекса: одно дифтонгоидное, которое в дальнейшем легло в основу литературной нормы, и два недифтонгоидных — редуцированных к *e* или к *i*.

Итак, для рассмотренных здесь фонетических процессов лингвогеографический метод картографирования дает наглядное представление о распространении этих фонетических явлений по областям, он позволяет выявить центры иррадиации того или иного явления, сравнение же карт помогает глубже понять фонетические процессы, происходящие в языке рассматриваемого периода. Так например, дифтонг *ai*, по данным графики претерпевший монофтонгизацию во всех положениях, кроме гиа́та, сохраняется в XIII в. на северо-востоке и востоке. Это явление совпадает в указанных областях и с явлением дифтонгоидного произношения фонемы /a/ в словах типа: *domaige*, *faice*, *juraissent*. Картографирование результатов анализа неравномерного употребления писцами написаний *ei* и *e* (для рефлекса латинского *ā*) в хартиях из разных областей дает возможность ясно выделить центры иррадиации факультативного дифтонгоидного произношения *ei*. Наложение на сетку материалов распространения по хартиям форм с *e* или *i* вместо *ie* дает наглядное представление об употреблении редуцированных форм в различных областях Северной Франции.

¹⁹ L. R e m a c l e, Le problème de l'ancien Wallon, Liège, 1948, стр. 49—50.

²⁰ Там же, стр. 48.

²¹ F. B o n n a r d o t, Document en patois lorrain relatif à la guerre entre le comte de Bar et le duc de Lorraine, «Romania», I, 1872, стр. 328—351.